

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.5>

UDC 811.161.1'0:81'367.625
LBC 81.411.2-03

Submitted: 10.07.2024
Accepted: 16.09.2024

THE VERBS *IMATI* (TO HAVE) AND *BRATI* (TO TAKE): DISTRIBUTION AND COMPETITION IN THE HISTORY OF RUSSIAN ¹

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The paper examines the semantic evolution of the verbs *imati* and *brati* in the 11th – 17th century Russian writing. The research is based on the data from Old and Middle Russian subcorpora of the Russian National Corpus. It is argued that the verb *imati* gradually lost its iterative semantics and its correlation with the verb *yati* and claimed the role of an aspectual pair of the verb *vzyati*. The verb *vzimati* did not compete for performing the function of an aspectual pair of the verb *vzyati*, since it occurred very rarely in writings and belonged to the high code of written records. In the 15th – 17th centuries, the verb *brati* was gradually expanding its semantics, compatibility and, as a consequence, increased in frequency and acquired the properties of the verb *imati* by the 17th century. In the Old Ukrainian language, the verb *brati* occupied the niche of the verb of contact *imati* already in the 14th – 15th centuries. In Middle Russian, the original paradigm of *imati* (*emlyu*) was preserved, which prevented the attraction between *imati* and *iměti* and delayed the semantic convergence of *imati* and *brati*, supported by the influence of Southwestern Rus in the 16th – 17th centuries. The marginalization of the verbs *imati* and *yati* and the final formation of the aspectual pair *brati* – *vzyati* occurred in the history of the Russian language no earlier than the 18th century.

Key words: aspectual pair, verbs of contact, historical lexicology, history of Russian, semantics, collocability.

Citation. Penkova Ya.A. The Verbs *Imati* (to Have) and *Brati* (to Take): Distribution and Competition in the History of Russian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 63-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.5>

УДК 811.161.1'0:81'367.625
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 10.07.2024
Дата принятия статьи: 16.09.2024

ГЛАГОЛЫ *ИМАТИ* И *БРРАТИ*: ДИСТРИБУЦИЯ И КОНКУРЕНЦИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ¹

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия;
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Работа посвящена семантической эволюции глаголов *имати* и *брьрати* в русской письменности XI–XVII веков. Исследование выполнено на материале древнерусского и старорусского подкорпусов Национального корпуса русского языка. Показано, что глагол *имати* постепенно утрачивал итеративность, теряя соотношение с глаголом *яти* и претендуя на роль видовой пары глагола *възяти*. Глагол *възимати* не конкурировал за эту позицию, поскольку был редок в письменности и ограничен книжными памятниками. Выявлено, что в XV–XVII вв. происходило постепенное расширение семантики, сочетаемости и, как следствие, частотности глагола *брьрати*, который к XVII в. приобрел свойства, характерные для глагола *имати*. Установлено, что в староукраинском языке глагол *брьрати* занял нишу полнозначного глагола контакта *имати* уже в XIV–XV вв.; в старовеликорусской письменности исконная парадигма *имати* (*емлю*) сохранилась, что препятствовало аттракции между *имати* и *имѣти* и задержало семантическое сближение *имати* и *брьрати*, которое в среднерусской письменности XVI–XVII вв. было поддержано влиянием языка Юго-Западной Руси. Маргинализация глаголов *имати* и *яти* и окончательное формирование видовой пары *брьрати* – *възяти* произошли в истории русского языка не ранее XVIII века.

Ключевые слова: аспектуальная пара, глаголы контакта, историческая лексикология, история русского языка, семантика, сочетаемость.

Цитирование. Пенькова Я. А. Глаголы *имати* и *брьати*: дистрибуция и конкуренция в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 6. – С. 63–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.5>

Введение

Работа посвящена эволюции семантики глаголов контакта *имати* и *брьати*² в истории русского языка, сходствам и различиям в их дистрибуции и истории их конкуренции, в результате которой глагол *имати* вышел из употребления, а глагол *брьати*, напротив, существенно расширил свою семантику и сочетаемость, вытеснив глагол *имати* и превратившись в видовую пару глагола *възяти*.

Глагол *брать* в современном русском языке имеет очень высокую частотность. По данным основного корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), она составляет 222,9 ipm³ (83 460 примеров на 374 449 975 слов). Этот глагол в современном русском литературном языке также обладает очень широкой многозначностью: у него выделяется 14 значений, для большинства из которых видовой парой служит глагол *взять*, ср.: «БРАТЬ, беру́, берёшь; прош. брал, -ла, бра́ло; несов., перех. (сов. **взять**)» (МАС, т. 1, с. 113).

Глагол *имать* в современном русском литературном языке отсутствует и сохраняется только в говорах в значениях ‘брать; хватать, ловить; обхватывать; задерживать; набрать, собрать; отнимать; снимать (урожай); брать с собой’ и др. (СРНГ, с. 189).

В древнерусской письменности ситуация была совершенно иной. По данным (СДРЯ, т. 1, с. 351), в картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. содержится всего 18 карточек с контекстами употребления глагола *брьати*, а в древнерусском корпусе (на момент обращения содержащем 838 928 слов) обнаруживается 17 примеров. При этом в берестяных грамотах этот глагол не зафиксирован вовсе, хотя контекст бытовых писем для него оказывается весьма подходящим. Невысока частотность этого глагола и в объемном (9 251 633 слова) старорусском корпусе: всего 417 примеров.

Глагол *брьати* не был таким многозначным в древнерусском языке, как в современ-

ном русском, у него выделялось всего четыре значения: ‘брать, собирать что-л. руками’, ‘взирать’, ‘приобретать, присваивать’ и ‘переносить’, причем последние два проиллюстрированы в СДРЯ всего одним примером каждое (СДРЯ, т. 1, с. 351).

В среднерусской письменности *братьи* известен также в значении ‘вышивать, ткать узорами’:

(1) А которая женьщина или дѣвка рукодѣльна, и той дѣла указати: рубашка дѣлати или **убрусъ брати**, или ткати (Домострой, 1500–1560)⁴.

Несмотря на то что этимологически *братьи* в этом значении представляет собой тот же глагол, что и в перечисленных выше значениях (Аникин, с. 172), в настоящей работе такое специальное употребление мы не рассматриваем, так как оно не пересекается с семантикой глагола *имати*. Мы также исключаем из рассмотрения омоним *братьи* как неполногласный вариант к *бороти*, ср.:

(2) кротъкаго оученика ороужають дхѣ добръ **брати** могоуше. (полѣмѣив). ПНЧ XIV, 216 (СДРЯ, т. 1, с. 321).

Ситуация с глаголом *взять*, который в современном русском языке является видовой парой *брать*, в древнерусском языке была иной: в древнерусском корпусе *възяти* встречается в 1477 контекстах, в (СДРЯ, т. 2, с. 148) указано, что примеров в картотеке более двух тысяч, а в старорусском корпусе этот глагол представлен более чем в 20 тысячах контекстов (20 673 примера на момент обращения).

Уже на основании этих данных можно с уверенностью говорить о том, что *брьати* и *възяти* в древне- и даже среднерусский периоды еще не являлись видовой парой, и такая ситуация сложилась в русском литературном языке достаточно поздно – не ранее XVIII века. Кандидатами на роль аспектуальной пары для глагола *възяти* были сразу несколько глаголов: *възимати*, *имати* и *брьати*. На словообразо-

вательном уровне имперфективом от *взяти* являлся именно глагол *взимати*, тогда как *имати* был имперфективом глагола *яти*.

Необходимыми условиями к семантическому сближению *брати* и *взяти* должны были стать, во-первых, утрата глаголом *взяти* древнего пространственного значения ‘поднять’ (3), обусловленного семантикой приставки *въз-*; во-вторых, расширение семантики *брати* (о которой пойдет речь ниже), в-третьих, выход из употребления глагола *имати*, в-четвертых, ограничение семантики глагола *взимати*, который в русском языке XI–XVII вв. употреблялся намного шире, чем в современном, и также мог претендовать на роль видовой пары глагола *взяти*, ср.:

(3) **Възмѣте**, врата, **кънѣзи** ваши (SJS, v. I, p. 298);

(4) **Взимае**т в руку свою **крохи**, яко гладна. Пов. П. и Февронии (Скр.), 237. XVI в. ~ XV в. (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 151).

Важно отметить, что низкая частотность глагола *брати* не связана с тем, что перед нами инновация – напротив, *брати* является праславянским образованием, восходящим к праиндоевропейскому, ср.:

«Из прасл. **bъrati* **berq* ‘брать, отбирать, хватать, срывать, собирать (ягоды и др.)’, ‘получать, занимать, принимать’, ‘заключать брачный союз’, **bъrati se* ‘братся; отправляться, собираться’ ‘бороться’, ‘сочетаться браком’... ~ и.-е. **bher(ə)* ‘нести, приносить; вынашивать плод, рожать’» (Аникин, с. 172).

Глагол *имати* исконно представляет собой итератив глагола *яти* (ст.-сл. *яти*). Первый имеет в истории русского языка два набора презентных форм: древняя парадигма по типу *емлю*, *емлещи* и аналогическая парадигма *имаю*, *имаещи*, возникшая под влиянием форм от основы инфинитива (о конструкциях с *имати* в истории русского языка см. [Пенькова])⁵. Постепенно глагол *имати* утрачивал итеративную семантику: ср. форму вторичного имперфектива *имывати* (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 231), с очевидностью свидетельствующую о том, что глагол *имати* уже не ассоциировался с выражением узуальности и хабитуальности (о вторичных имперфективах см.: [Шевелева, 2016]). Показательно, что *имати* мог даже развивать перфективные употребления (см. не-

которые примеры ниже). В среднерусской письменности такие примеры sporadически встречаются и у производных (ср. *взимати* ‘поймать, схватить’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 32, с. 411)), а также зафиксированы в архангельских говорах (СРНГ, с. 189).

У глагола *имати* в древнерусском языке, согласно СДРЯ, представлены не полностью совпадающие наборы значений в зависимости от типа парадигмы. У форм с исконной парадигмой *емлю*, *емлещи* (*имати*₁) выделяются значения ‘брать, хватать’, ‘получать в собственность’, ‘захватывать, овладевать’, ‘иметь’ и семантически выветренное употребление, в котором этот глагол означает действие по значению абстрактного существительного (СДРЯ, т. 4, с. 144–145):

(5) [половцы] **емлюще** иконы зажигаху двери. ЛЛ 1377, 77 об.;

(6) а дарь **имати** тебе ѿ техъ волостии. Гр 1264–1265 (1, твер.);

(7) и побѣгоша л(ю)дѣ изъ града. и повелѣхъ вльга во емь своимъ **имати** е. ЛЛ 1377, 17;

(8) и шьдъ прода все ѿже **имаше** Пр 1383, 33а;

(9) послаше новьгоро(д) юрья и ѿжима къ кнѣзю к михаилѣ на тфѣрь а велѣлѣ **миръ имати** на семь. Гр. 1372 (новг.).

В примере (8), однако, форма *имаше* может быть прочитана и как имперфект глагола *имѣти* без обозначения мягкости сонорного /м/.

У глагола *имати* с парадигмой *имаю*, *имаещи* (*имати*₂), согласно (СДРЯ, т. 4, с. 145), выделяются значения ‘схватывать, захватывать’, ‘привлекать, приглашать’, ‘иметь’ и употребление в качестве вспомогательного глагола для образования будущего времени, ограниченное южно- и западнорусскими памятниками (последний тип употребления мы в настоящей работе не рассматриваем, см. о нем: [Пенькова]):

(10) а наши по ни(х) погнаша. ввы сѣкуща. ввы **имающе**. и ѿша ихъ. руками. ЛЛ ок. 1425, 199 (1172);

(11) незаконно бо есть тако свѣдительство. но да **имаить** инѣхъ свѣдителей. РПрМус сп. XIV, 2;

(12) М(с)ць апри(л). рекомыи берозозоль **имають** дни ·лѣ. Пр 1383, 26г.

Однако, как видно из примеров, которыми в СДРЯ иллюстрируются соответствующие

значения, в ряде случаев приводятся контексты с формами инфинитива и прошедшего времени, которые не могут быть однозначно атрибутированы *имати*₁ или *имати*₂. Поэтому данные словаря следует немного скорректировать: формы типа *емлю*, *емлещи* никогда не встречаются в источниках в значении ‘иметь’. Такое употребление зафиксировано только у форм типа *имаю*, *имаещи* и у формы имперфекта, если мы интерпретируем ее как форму глагола *имати*, а не *имѣти*, то есть надежно только у *имати*₂, что, по-видимому, не случайно и объясняется паронимической аттракцией с глаголом *имѣти*, которая развивается за счет фонетического сходства форм презенса.

Таким образом, *имати*₁ представлен в письменности в значениях ‘братъ, хватать’, ‘получать в собственность’, ‘захватывать, овладевать’, а *имати*₂ – в значениях ‘схватывать, захватывать’, ‘привлекать, приглашать’, ‘иметь’ и в качестве вспомогательного глагола в конструкции с инфинитивом.

Обратим внимание на то, что у глагола *имати*₁ выделяются, с одной стороны, значения, которые хорошо коррелируют с семантикой *възяти* ‘взять в руки’, ‘взять в собственность, отнять’, ‘принять, получить’, ‘захватить’, ‘забрать, отобрать’, а с другой, – такие, которые хорошо соответствуют значениям глагола *ѣти* ‘схватить, взять в плен’ (17), ‘привлечь’ (18), который очень рано закрепился как глагол СВ [Шевелева, 2021, с. 34–35]. Например:

(13) самъ же **възьмѣ** съчиво нача съчи дръва. ЖФП XII, 42в (СДРЯ, т. 2, с. 148);

(14) Игорь... **вземѣ** оу Грекъ злато и паволоки. ЛЛ 1377, 11 (944) (СДРЯ, т. 2, с. 148);

(15) дароуи малое и **възьми** вѣчьное. Изб 1076, 13 об. (СДРЯ, т. 2, с. 148);

(16) **взалѣ** кнѣзь михаило. горо(д) торжокъ Гр 1373 (2, новг.) (СДРЯ, т. 2, с. 149);

(17) али же ни то аще **имуть** ма не погубать мене. но ѣкоже прѣже ркохъ ведут ма къ брату (Нестор Печерский. Сказание о Борисе и Глебе по Сильвестровскому сборнику, вторая пол. XI в.);

(18) оже **иметь** на желѣзо по свободныхъ людии речи... аже не вжѣжеться то про моуки не платити ѣмоу нѣ вдино желѣзное кто будеть **ѣль** (Русская правда, середина XI в.).

Различия между *възяти* и *ѣти* в древнерусский период, по наблюдениям М. Н. Шевелевой, заключались в том, что *възяти* выражал «нейтральное значение ‘взять’ без дополнительной коннотации резкого и быстрого... захватывания во владение» [Шевелева, 2021, с. 35], тогда как последнее как раз характерно для глагола *ѣти*, который «преобладает в значении ‘взять в плен, арестовать’» [Шевелева, 2021, с. 36], т.е. «обнаруживает тенденцию к семантической специализации» [Шевелева, 2021, с. 36], ср. также ниже наше указание на то, что *възяти* в древнерусской письменности практически не фиксируется с одушевленным существительным в позиции прямого дополнения. Напротив, для *имати*, как показано М. Н. Шевелевой, такой тенденции к специализации не усматривается [Шевелева, 2021, с. 37].

Помимо семантической близости к *възяти*, глагол *имати*, как и *възяти*, был достаточно частотным в узусе (20 примеров в берестяных грамотах, 258 примеров в древнерусском и 4523 примера в старорусском корпусе).

Обобщим количественные данные по употреблению *брати*, *имати*, *ѣти*, *възимати* и *възяти* (табл. 1).

Цель настоящей работы – исследовать процессы и выявить причины, в результате которых глагол *брати* превратился в аспект-

Таблица 1. Количественная представленность глаголов *брати*, *имати*, *възимати*, *ѣти*, *възяти* и в различные периоды истории русской письменности

Table 1. Frequency of the verbs *brati*, *imati*, *yati*, *vzimati*, *vzyati* in different historical periods of Russian writing

Глагол	Древнерусский корпус	Старорусский корпус	Корпус XVIII в.
<i>брати</i>	17	417	1405
<i>имати</i>	258	4523	529
<i>ѣти</i>	666	1188	7
<i>възяти</i>	1477	20673	5467
<i>възимати</i>	84	237	34

туальную пару к *възяти*, вытеснив из данной позиции итератив *имати*, который вовсе вышел из употребления, и итератив *възимати*, который существенно сузил свою семантику.

Проблема семантического сближения *бърати* и *имати* уже становилась предметом исследования (см.: [Добромыслова, 1968; Пятаева, 1997; 2007; 2009]). Наиболее значимыми из перечисленных работ являются докторская диссертация и монография Н. В. Пятаевой [2007; 2009], где показаны основания для семантического сближения этимологических гнезд с корнем **ber-* и **em*, состоявшие в том, что гнездо с корнем **ber-* в праславянском языке утрачивало связь с индоевропейской семантикой 'нести', приобрело значения 'брать (в руки), хватать', что обеспечило синонимию с этимологическим гнездом корня **em* [Пятаева, 2009]. В качестве причины вытеснения глагола *имати* глаголом *брати* Н.В. Пятаева называет то, что объем значений последнего превысил объем значений первого [Пятаева, 2009]. Полагаем, что это стало следствием, а не причиной вытеснения *имати*. О других возможных причинах распространения глагола *брати* в русской письменности см. ниже. Н.В. Пятаева также отмечает дублетность глаголов *брати* и *ѣти* и выход из употребления наименее емкого *ѣти* в языке XVIII века. Необходимо сделать уточнение: *ѣти*, как показано М.Н. Шевелевой, достаточно рано начинает вести себя как глагол совершенного вида [Шевелева, 2021, с. 34–35], поэтому о дублетности *брати* и *ѣти* говорить не приходится, а скорее следует иметь в виду конкуренцию между перфективами *възяти* и *ѣти*. Видовая пара *братъ – взять* формируется, по мнению Н.В. Пятаевой, за счет того, что *възимати* семантически существенно расходится с *възяти*. Однако *възимати* недолго претендовал на роль видовой пары к *възяти*, поскольку в среднерусский период имел низкую частотность в письменности и, по-видимому, был маркирован как книжный глагол: так, согласно древнерусскому и старорусскому корпусу, он не фиксируется ни в берестяных грамотах, ни в памятниках деловой письменности.

Масштабное исследование Н.В. Пятаевой безусловно ценно именно тем, что оно выполнено с акцентом на анализ этимологи-

ческих гнезд, благодаря чему в нем показаны семантические связи внутри генетической парадигмы «дать – брать – взять – иметь – нести – давать».

В настоящей работе фокус будет на глаголах *имати* и *бърати*, их семантической сочетаемости и особенностях дистрибуции в памятниках русской письменности на общевосточнославянском фоне с привлечением статистических данных из исторических корпусов, что позволит глубже понять историю конкуренции глаголов *имати* и *брати*.

Материалом исследования послужили исторические корпуса НКРЯ (древнерусский и старорусский) и исторические словари. Для исследования мы отобрали все контексты употребления глаголов *бърати* и *имати* из древнерусского корпуса, все контексты с *брати* из старорусского корпуса и 450 примеров с глаголом *имати* – количество, сопоставимое с объемом контекстов с *брати*, поскольку *имати* в старорусском корпусе чрезвычайно частотен: встречается более 4 тыс. раз (см. табл. 1).

Результаты и обсуждение

Сочетаемость глагола *бърати* в древнерусской письменности (XI–XIV вв.)

В древнерусский период субъект при глаголе *бърати* всегда был одушевленным. Возможные в современном русском языке употребления с абстрактным именем существительным в позиции субъекта (вроде *тоска, зло берет*) для древнерусского глагола были нехарактерны. Они фиксируются только в русском языке XVIII в. (СлРЯ XVIII, с. 130–133), ср.:

(19) Я без пива курить не могу, ибо с табаку жажда берет. Дом. разг. 53;

(20) [Стародум:] Я боялся разсердиться. Теперь смѣх меня берет. Фнв. Недор. 67.

Та же особенность отмечается и для глагола *имати*. Возможность присоединять пропозициональное имя в позиции субъекта отмечается у данного глагола крайне редко, словарь XVIII в. такие употребления не фиксирует, единственный пример из источника XVIII в. приведен в (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 225):

(21) Бес притчи тряса не емлетъ. Послов. Паус., 2. XVIII в.

Различия между *имати* и *брати* связаны с тем, какие имена существительные употребляются в позиции прямого дополнения.

По данным НКРЯ и СДРЯ, в качестве прямого дополнения в контексте с *брати* встречаются следующие имена существительные (табл. 2).

Как видно из данного списка, в текстах представлены только неодушевленные существительные. Показательно также, что большое количество слов в приведенном выше перечне – собирательные имена существительные (*овоць, вино, товаръ, злато, скоть, имъние, богатъство, туска, дань*). Этот факт, судя по всему, объясняется сохранением у *брати* древнего значения ‘сбирать’; это же значение сохраняется и во многих южнославянских языках (см.: ЭССЯ, т. 3, с. 163). По-видимому, данное значение, связанное с идеей накопления, реализуется и в контекстах с существительными типа *имъние, богатъство*: в последнем случае в [Добромыслова, 1968, с. 222] также предлагается значение ‘накапливать’, хотя СДРЯ рассматривает здесь *брати* в значении ‘приобретать’ (СДРЯ, т. 1, с. 351):

(22) А мы сѣници ѿ людии кормлю и вдежу приемлемъ всегда не тродася чюжаѧ грѣхы ѣмы. хлѣбъ приимаѧ ѿ людии небреженьемъ не имамъ книгѣ. ни готовыхъ почитаѧмъ. толико **имѣние беремъ** села кони различье ризъни (Поучения св. Евсевия, до середины XII в.);

(23) инии же по морю плавающи. по земли гостѣбы дѣюще и **бероуще батѣство**. Пр 1383, 1326 (СДРЯ, т. 1, с. 351).

В контексте со словом *товаръ* глагол *брати* употребляется в очень архаичном значении ‘переносить’, восходящем к значению ‘нести’, которое реконструируется у данного глагола в еще в праиндоевропейском:

(24) **Товаръ** иж то потополь **брати** оу место своєю дружиною из воды на берегъ (Договор Смоленска с Ригой и Готландом (готландская редакция, список С), 1229, 1284, 1333–1341).

Сочетаемость глагола *имати* в древнерусской письменности

Согласно древнерусскому корпусу и материалам СДРЯ (СДРЯ, т. 4, с. 144–145), прямое дополнение глагола *имати* в этот период может быть выражено следующими именами существительными, субстантивированными прилагательными и количественными сочетаниями (см. табл. 3).

Как видно из приведенного ниже перечня, глагол *имати* в древнерусский период имел достаточно широкую сочетаемость: он мог употребляться как с неодушевленными, так и с одушевленными объектами. В роли первого могли выступать собирательные имена существительные (*темьянь, пѣськъ, вѣлна, млѣко*). Отличие *имати* от глагола *брати* в таких сочетаниях заключается в том, что *имати* называет не сам процесс сбора, а его результат – получение, добывание того или иного продукта:

(25) да не на на(с) сбудуть(с) ре(ч)ное. пасту-си **волну** и **млеко** ѿ овецъ **смлють**. а в стадѣ небрегутъ (Поучения св. Евсевия, до середины XII в.);

(26) и многымъ караблемъ приходѧщимъ, и **смлющимъ**. не wskоудѣтъ бо вѣтръ беспрестани. привѣваѣтъ **пѣсокъ** и исплѧнаѣтъ (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв.).

Глагол *имати* также сочетался с различными названиями отчуждаемого имущества, сборов и пошлин (*дань, мытъ*), обозначениями различных видов дохода (*лихва, рѣзь*) и собирательными названиями имущества и ценностей (*злато, сребро, богатъство*), употреблялся с количественными сочетаниями (*рѣ талантъ*;

Таблица 2. Сочетаемость глагола *брати* в древнерусской письменности

Table 2. Collocation of the verb *brati* in Old Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>овоць, плевы, вино</i> ‘виноград’, <i>злато, глазъки (стъляныи), треба (дивья)</i>
Названия мер	<i>колода</i> (овса), <i>куны, куницы</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>товаръ</i> (утонувший), <i>скоть</i> ‘деньги’, <i>имъние</i> ‘имущество’, <i>богатъство, туска</i> ‘особый вид дани’, <i>дань, пошьлины</i>

нѣ съ полоуторы тысаце грѣнѣ), в том числе с дистрибутивными сочетаниями с предлогом *по* (*имати* по чему: *по бѣлѣ и въверицѣ ѿ дыма, по ѿ ногатѣ за возъ, по ѿ векиши, по единой чаши, по моужю*). Такая сочетаемость у *бърати* в древнерусский период не отмечена и развивается не ранее XV в. (см. об этом ниже).

В отличие от *бърати*, в большом количестве контекстов *имати* употребляется с одушевленными именами существительными в значении ‘ловить, хватать; брать в плен’:

(27) Ъздаху по онои сторонѣ днѣпра. **люди смлюше**. а другыа съкуше (Киевская летопись, 1119–1199);

(28) а кромѣ того иже по рови ѡзда **ималь** ѡсмѣ своима рукама тѣ же **кони** дикѣ (Владимир Мономах. Поучение Владимира Мономаха, 1090-е – 1110-е).

Кроме того, глагол *имати* уже в древнерусский период употребляется с именами, которые называют абстрактные сущности, а также состояния или события (*мирѣ, вѣра, желание, прощение, соромѣ* и др.):

(29) <п>ослаше новѣгоро(д) юрья. и ѡжима. къ кнз<ю> к михаилѣ. на тѣрѣ. а велѣлѣ. **мир<ъ>** <и>**мати** на семь аже бра(т)ю. нашю попуща<ти> без окупа (Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем, 1374 – начало 1375).

Показательно, что глагол *възяти* в древнерусский период также не сочетается с одушевленным объектом в значении ‘поймать, захватить, взять в плен’. В единственном примере с одушевленным именем существительным в позиции прямого дополнения *възяти* имеет значение ‘принять к себе в дом’ (СДРЯ, т. 2, с. 148):

(30) Того же лѣ(т)... родиса дщи оу Ростислава оу Рюриковича... приеха Мьстиславъ Мьстиславичъ. И тетка еи Предислава. и **въста ю**. к дѣдоу и бабѣ. ЛИ ок. 1425, 242 об. (1199).

В этот период в значении ‘схватить, поймать; взять в плен’ в контексте с одушевленным объектом еще широко употребляется глагол *ѡти* [Шевелева, 2021]. Например:

(31) Которыи роусинѣ или латинескыи **имѣть тата** надѣ тѣмъ ѡмоу своа вѣла (Договор Смоленска с Ригой и Готландом (готландская редакция, список А), 1229, 1284);

(32) к семоу же блѣжному нѣколи приведоша **разбоиникѣ** свазанѣ. ихже **бѣша ѡли** въ единомѣ селѣ манастырѣско(м) хоташ(а) красти (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.);

(33) аже оударить по лицу или за волосы **иметь** или батогомъ шибеть платити бесѣ четверти гривна серебра (Договор Смоленска с Ригой и Готландом (рижская редакция, список Е), 1229).

Таблица 3. Сочетаемость глагола *имати* в древнерусской письменности

Table 3. Collocation of the verb *imati* in Old Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>темианѣ, тѣсокѣ, вино</i> ‘виноград’, <i>смокѣвы, вѣлна</i> ‘шерсть’, <i>млеко, злато, сѣребро, желѣза, камень, печати, паволоки, вружѣе, дора, иконы, брашна, ѣ хлѣбовѣ, три чаши</i>
Названия мер	<i>куны, ѣ коунѣ, ѣ оубороковѣ, ѣ лоуконѣ, р гривенѣ (новыхѣ), р талантѣ, нѣ съ полоуторы тысаце грѣнѣ</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>богатѣство, имѣние, задѣница, свое, данѣ, хлѣбное, пошлины, обилье, икупѣ, придатѣкъ, мѣсачина, десѣтина, уроки, приносѣ, съборное, откупѣ, изгоиство, погонѣ, мытѣ, повозѣ, лихва, рѣзѣ, мѣзда, наимѣ, переемѣ, товары / товарѣ, сорокоустѣ, руга, устанокѣ, пѣрстѣ, часть, наклады, дары / дарѣ</i>
Названия территорий	<i>города</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>наставники, языки, люди, (человѣкъ) добраго рода, добрыи моужи, храбрѣ, выходящие (на събрания зѣлия), конѣчакѣ, кобакѣ, половцы, немчичѣ, смольнянинѣ, челѣди, колодники, кони</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний и событий	<i>вѣра, душа, желанѣе, причащение, прощение, соромѣ, съмѣртѣ, мирѣ</i>
Другое	<i>голова, задѣ (дружины)</i>

Также именно глагол *ѡти* выступает в роли аспектуальной пары глагола *имати* в сочетаниях с существительным *вѣра*. Напротив, в контекстах с названиями различных сборов, а также с абстрактным существительным *миръ* употребляется *възѡти*, а не *ѡти*:

(34) а холопъ или роба почнетъ вадити на господу. тому ти **вѣры не ѡти**. а на низоу тобѣ княже новгородча не соудити. ни волости роздавати. а кто почнетъ вадити к тобѣ. тому ти **вѣры не ѡти** (Договор Новгорода с князем Михаилом Ярославичем, 1307);

(35) **Не ѡмли вѣры** врагомъ своимъ въ вѣки (Изборник 1076 г., перевод X в. [Болгария]);

(36) **возьми дань** юже **ималъ** влегъ (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, 1110-е);

(37) повелѣше. весь новѣгоро(д). юрюю. и ѡкиму. **миръ взати**. съ кнѣзмъ. с михаиломъ. а повелѣша. печати. приложити. изо всихъ пати кончевъ. къ сеи грамотѣ (Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем, 1374 – начало 1375).

Исконно представляющий собой итератив, глагол *имати* в значении ‘ловить, хватать; брать в плен’ уже в древнерусский период может утрачивать итеративную семантику, превращаясь в полный эквивалент глагола *ѡти*, дериватом которого изначально является. Отсутствие итеративности наиболее очевидно в формах аориста, называющих однократное действие в прошлом в контексте с единичным объектом, однако возможно и в других формах, ср.:

(38) вн же **има** и, и вкова и, и посла и в волость свою володимѣрь. и пристави емоу сторожѣ (Киевская летопись, 1119–1199);

(39) и посла Бенедикта со воими. и ѡ Романа в бани мьющаса (Галицкая летопись, 1201–1260);

(40) а ѡзъ по немъ иду **ѡмла задъ** дружины ѡго (Лаврентьевская летопись, 1111–1305);

(41) <п>ослаше новѣгоро(д) юрюю. и ѡкима. къ кнз<ю> к михаилѣ. на тѣфѣрь. а велѣлѣ. **мир<ъ>** <и>**мати** на семь аже бра(г)ю. нашю попуща<ти> без окупа (Наказ Новгорода послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с князем Михаилом Александровичем, 1374 – начало 1375).

С другой стороны, *имати*, утрачивая итеративность, семантически мог сближаться не только с *ѡти*, но и со стативом *имѣти*. Такая особенность отмечается, однако, исключительно для аналогических форм типа *имаю*, *имаеши* преимущественно в юго-западных памятниках, что, по-видимому, способствовало грамматикализации конструкции «*имати* + инфинитив», выражающей деонтическую модальность, ср.:

(42) слышю же се. ѡко сестроу **имаете** дѣво. да аще ея не вдасте за ма. то створю гра(д) вашему ѡко и сему створихъ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е);

(43) в соу(б)тоу по взитии слѣнца. дѣѡ моѡ **ѡлоучитса имаетъ** в телесе сего (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.);

(44) а они **имають держати**. так(о) долго докола... имо тыхо ‘д’ тисачи рублиі исполна не в(т)дамы. Гр 1390 (2, ю.-р.) (СДРЯ, т. 4, с. 145).

Сочетаемость глагола *брати* в среднерусской письменности

Мы разделили существительные, встретившиеся хотя бы один раз в контексте с глаголом *брати* в позиции прямого дополнения, на три группы в зависимости от датировки источника (XV в., XVI в. и XVII в.). В этой позиции в текстах XV в. представлены следующие существительные, субстантивированные прилагательные и количественные сочетания (табл. 4).

Как видно из данного перечня, в текстах XV в. у глагола *брати* сохраняется преимущественная сочетаемость с неодушевленными

Таблица 4. Сочетаемость глагола *брати* в русской письменности XV в.

Table 4. Collocation of the verb *brati* in the 15th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>ягоды, губы</i> ‘грибы’, <i>злато</i>
Названия мер	<i>5000 рублевь</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>поборы, туска</i> ‘особый вид дани’, <i>дань</i> , (<i>черный</i>) <i>боръ</i> ‘вид дани’, <i>тамга</i> ‘вид подати’, <i>десятина</i> ‘вид налога’, <i>гостинное</i> ‘вид пошлины’, <i>пошлины</i> , <i>поворотное</i> ‘вид пошлины’
Названия лиц	<i>третий</i> (судья), <i>одинъ</i> (из трех)

собираТЕЛЬНЫМИ именами существительными. Редкие употребления в контексте с одушевленным объектом – *третий (судья)* – связаны со значением ‘выбирать’ (ср. также глагол *избрати* в том же контексте), которое является производным от древнего ‘собирать’, также сохраняющегося в этот период, ср.:

(45) А о чем судья мои, князя великог[о], з брата моего судьєю, брата моего молодшог[о], княз[а] Дмитрея Юрьевича Болшог[о], сопрутся, и они зовутся на третии, а **берут** себ[ѣ] третьего из моих боляръ, великог[о] княз[а], дву боляриновъ, изо княжих из Дмитриевых Юрьевич[а] боляръ Болшого, одного болярина из боляръ. А воимануеть третьих тот, которой ищет, а тот берет, на котором ищут. А не **изберуть** себѣ третьего ис тѣхъ трех боляринов, ино имь третии язъ, княз[ь] велики (Докончание великого князя Василия Васильевича с князем галицким Дмитрием Юрьевичем. Грамота в. кн. Василия Васильевича кн. Дмитрию Юрьевичу, 1436.06.13);

(46) А хто ослышится сеи нашей грамоты... а почнетъ лѣсъ сѣчи и пожни косити, и заяци гоняти или рыбы ловити, или **ягоды и губы брати**, а безъ игуменскаго благословеніа, ино тотъ будетъ лишень лотки и сѣтеи, а за свою вину дасть намъ рубль (Грамота Вяжицкого монастыря монастырскому ключнику в Толвуе Якиму и монастырским толвуйским крестьянам с запрещением промышлять в принадлежащих Палеостровскому монастырю островах Пальем и других островах, 1477–1478).

В текстах XV в. преобладают сочетания *брати* с именами существительными, обозначающими различные виды сборов, пошлин, дани, поборов и т.д. По-видимому, именно такого рода употребления могли стать локусом семантических изменений, поскольку подобные словосочетания допускают две интерпретации: *брати дань* может означать как ‘собирать дань’ – с фокусом на процессе сбора (видимо, именно таковым было первоначальное значение этого словосочетания), так и ‘взимать дань’ – с фокусом на результате, ср. также весьма частотные употребления *figura etymologica* *брати поборы*, *брати боръ*, подтверждающие изначальную связь с семантикой собиранія:

(47) ні кормов оу ніх не смлют, ні доводици[ки] оу них **поборов не беруот** (Жалованная тарханная и несудимая грамота в. кн. Вас. Васильевича Троице-Сергиева монастыря иг. Зиновию на с. Сватковское с дерр., в Верхдубен. стану Переясл. у., 1439.09).

Амбивалентность сочетаний глагола *брати* с названиями различного рода сборов хорошо видна на следующих примерах ниже. В примере (48) (*серебро браша на всеи Заволоцкой земли*) *брати* еще сохраняет дистрибутивное значение ‘собирать’, тогда как в примере (49) фокус с процесса собиранія смещается на факт присвоения объекта, обладания им, на что дополнительно указывает возвратное местоимение *себѣ*:

(48) И приехаша владыка Евфимей, а с ним послы новгородские, и докончаша другую 5000 сребра, а шестую тысячу на полону даша, а то **серебро браша на всеи Заволоцкой земли**, с десяти человекъ рубль (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка, первая половина XV в.);

(49) И по том гардиналовѣ часто начаша приходити от папы къ царю и патриарху, даже и к Сидору митрополиту, и съ многими лестными рѣчми о сих, да не преодолѣвает Марко, ниже пререкует Латынѣ: да сотворите, рече, волю нашу, **берущи себѣ злата** множество, елика хочете (Московский летописный свод, 1479–1492).

В XV в. также появляются дистрибутивные конструкции «*брати по чему*», характерные и для *имати* (см. выше) и также амбивалентные, поскольку они могут иметь две интерпретации (‘собирать’ и ‘взимать’), ср.:

(50) А **брати** князя великого чернборцемъ на новоторжскихъ волостехъ на всѣхъ, куды пошло по старинѣ, съ сохи **по гривнѣ** по новой (Грамота Великого Новгорода о предоставлении на год «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю Василию Васильевичу, 1448–1461).

В источниках XVI в. в позиции прямого дополнения с глаголом *брати* употребляются следующие имена существительные, субстантивированные прилагательные и количественные сочетания (см. табл. 5).

Как видно из представленного перечня, с XVI в. *брати* расширяет свою сочетаемость, распространяясь также на существительные, не предполагающие идею множественности объектов сбора (*вода*, *чаша* в форме ед. ч.), на одушевленные имена (*вои*, *веселые люди*) и даже на абстрактные состояния (*перемирие*). В контексте *брати вои* (51) рассматриваемый глагол, расширяя сочетаемость, все еще сохраняет древнее значение ‘собирать’, тогда как в контексте *брати перемирие* (52) ситуация уже

не подразумевает никакого вида множественности (ни дистрибутивности, ни итеративности):

(51) И се рек, утеша Всеволода, и повеле **брати вои** от мала и до велика, и бысть вой бесчислено (Холмогорская летопись, 1540–1560);

(52) А что твои панове говорят, коли бы то земля наша была и нам было што с нею **перемире братъ**? (Иван Грозный. Послание польскому королю Стефану Баторию, 1581).

В текстах XVI в. появляются конструкции «*брати* чем», также свидетельствующие о смещении фокуса с процесса ('собирать') на результат ('взимать в виде чего-л.'):

(53) дасть и **берет ценою**, и **мерою**, и **вагою** и прославлень добром (Тайная Тайных, последняя треть XV в. – первая половина XVI в.).

Приведем перечень имен существительных, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *брати* в источниках XVII в. (см. табл. 6).

Как видно из приведенного перечня, в XVII в. еще сохраняется исконное значение 'собирать' (ср. *ягоды, грибы, рыжики, цветы, землеплодное, ленъ*) и производное от него значение 'добывать' (ср. *земля, руда, камень*). Также представлен довольно широкий перечень существительных, называющих различные сборы, пошлины и денежные единицы, при этом данная группа пополняется существительными других близких семантических классов (ср., например, *жалованье, плата*; названия документов *отписи, листы, памяти*), связанных уже не с процессом сбора, а только с получением:

(54) И мы сена, г(о)с(у)д(а)рь, не отдавали и **памяти не брали**, а по сена к нам не бывали (Грамотка приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова из с. Чубарово, 1669.12.05).

В приведенном ниже списке представлены и имена, называющие одушевленные объекты, при этом *брати* в таких контекстах

Таблица 5. Сочетаемость глагола *брати* в русской письменности XVI в.

Table 5. Collocation of the verb *brati* in the 16th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>овоць, злато, серебро, чаша, вода</i>
Названия мер	<i>5.000 рублей, мѣхъ</i> 'разновидность торговой меры'
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>деньги, мзда, поборы, дань, пошлины, тамга</i> 'вид подати', <i>мытъ</i> 'вид пошлины', <i>пятно</i> 'вид пошлины', <i>кормъ / кормы</i> , (<i>черный</i>) <i>боръ</i> 'вид дани', <i>полавочное</i> 'вид пошлины', <i>поворотное</i> 'вид пошлины', <i>бражное</i> 'вид пошлины'
Названия лиц и животных	<i>вои, веселые люди</i> 'скоморохи', <i>кони</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, событий	<i>перемире</i>
Другое	<i>от пророков и апостолов вкратце</i>

Таблица 6. Сочетаемость глагола *брати* в русской письменности XVII в.

Table 6. Collocation of the verb *brati* in the 17th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>ягоды, грибы, рыжики, цветы, землеплодное, ленъ, земля, руда, камень, серебро, хлѣбъ, рожь, лубья, столъ, кормъ, шти, варанчюгъ, соль, кожи, подвода, секраментъ, антидоръ</i>
Названия документов	<i>отписи, листы, памяти</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>товары, доходы, запасы, поборы, дань, пошлины, спусковое, оброкъ, поминки, выходы, пяттина, руга, подати, деньги, казна, полонъ, ясакъ, жалованье, плата, посулы</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>гетманъ, дѣти, десять человек, полонгъники, турки, дѣвки, лошади, бораны, пчелы</i>
Названия абстрактных сущностей, процессов, событий	<i>вышина, ширина, (псовая) охота, потребности</i>

означает уже не ‘собирать’, а ‘ловить, хватать’, что семантически сближает его с *имати* и *яти*.

В этот период *взяти* также приобретает способность сочетаться с одушевленным объектом, тогда как в более раннюю эпоху такие контексты были закреплены за глаголом *яти*:

(55) Боярину ж князю Алексею Микитичю за конотопскую службу 167-го и 168-го году за большой бой с крымским ханом, и что он **брал гетмана Юрья Хмельницкого**, придачи двесте рублев (Боярская книга, 1658);

(56) А же **имаху пленники**, овѣх поѣкаху, другыя мучяху, ини же растрѣяху, а другыя в море метяху (Новгородская Карамзинская летопись. Первая выборка, первая половина XV в.);

(57) Како Кучюмова сына **царевича Маметкула взяша** жива (Строгановская летопись по списку Спасского, 1630–1640).

В источниках XVII в. шире употребляются дистрибутивные конструкции «*брати* по чему» (по дватцати алтынъ, по рублю да по пуду меду, по четыре копейки, по четверику, по 1600 дукатов) и «*брати* чем» (всякими товары; лисицами черными, чернобурыми, бобрами и выдрами и всякимъ звѣремъ).

В текстах конца XVII в. также появляются новые конструкции «*братъ* кого в кого» и «*братъ* кого за руку»:

(58) Да он же, старец, **берет нас**, сирот, насильством от сох и от кос в гребцы, и в кормицики, и в прорезные лотки, и в караульцики, и ко всякому рыбному промыслу. (Крестьяне патриаршего с. Тарки Ярымовской вол. Муромского у. патриарху Адриану о злоупотреблениях посельского старца Иоанна Святоозерского, 1694.12.01–1694.12.07);

(59) И когда сойдутся в машкарах на площадь к соборному костелу святого Марка, тогда многие девицы **берут** в машкарах за руки **иноземцов** приезжих, и гуляют с ними, и забавляются без стыда (П. А. Толстой. Путешествие по Европе, 1699).

Следует также отметить и сочетаемость с абстрактными существительными, еще не настолько широкую, как в современном русском языке, но уже не невозможную:

(60) і когда бокъ і половина съверху готова, тогда шпаньгоуты дѣлай: **бери вышину** вьсемь мѣстамь о(тъ) боковой ѳигуры, а **ширину** отъ половины, і такъ добро (Петр I. Отрывок из учебных записок по кораблестроению, 1697.08–1697.12).

Таким образом, сочетаемость глагола *брати* в XVII в. продолжала расширяться, приближаясь к той, которая характерна для него в современном русском языке, однако древние значения в этот период еще не были утрачены. Семантически *брати* в этот период приобретает ряд свойств, которые были характерны для глагола *имати* еще в древнерусский период, и существенно сближается с глаголом *взяти*, претендуя на роль его видовой пары, ср.:

(61) Да он же [п]риказной ч(е)л(о)в(е)к выпустил из вашей, г(о)с(у)д(а)ри, три [д]ѣвки, а **брал** за дѣвку выводу по дватцати алтын и бол(ь)ши, и за три дѣвки **взял** два рубли с четвертью (Челобитная крестьян д. Ивашкова, 1670.03.13);

(62) И та Аннушка никому о том не объявила, толко мамку **взяла за руку** и отвела от тех девиць и стала ей говорить искусно: «Что ты надо мною зделала?» (Повесть о Фроле Скобееве, конец XVII в. – первая треть XVIII в.);

(63) Потомъ по широкомъ шпаньтгоуть **взять ширину** противъ шхерганта і поставить отъ черты выше, а назади половина шпигиля, а напереди на адтрокъ ѳорштевену (Петр I. Отрывок из учебных записок по кораблестроению, 1697.08–1697.12).

Показательно, что глагол *брати* приобретает значение ‘брать в руки’ достаточно поздно⁶, в то время как для глаголов с корнем *им-* (*имати*, *яти* и *взяти*) это значение исходное.

Сочетаемость глагола *имати* в среднерусской письменности

Приведем перечень имен существительных, субстантивированных прилагательных и количественных сочетаний, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *имати* в источниках XV в. (см. табл. 7).

Как видно из приведенного перечня, сочетаемость глагола *имати* в XV в. во многом сохраняет особенности, которые отмечаются в текстах древнерусского периода. Одно из немногих отличий – сочетание с существительными, обозначающими определенную территорию (*отчина*, *украина*), хотя и в древнерусский период зафиксированы контексты со словом *городъ*. Другое отличие – сочетание с абстрактными существительными, которые не употреблялись в позиции прямого объекта глагола *имати* в древнерусской письменности (*помочь*, *любовь*, *слово*, *речь*).

Приведем перечень имен существительных, субстантивированных прилагательных и количественных сочетаний, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *имати* в источниках XVI в. (см. табл. 8).

Существенных изменений в сочетаемости *имати* в письменности XVI в. в сравнении с текстами XV в. не отмечается. Можно обратить внимание на более широкое вовлечение имен существительных, обозначающих ту или иную территорию (*украина, Клобуково, волость, Полоцкъ, Заволочье, селище, пустошь*),

а также на появление устойчивых формул *имати* кого *на государство* – контексты, не отмеченные для *брати*, ср.:

(64) Того же лета **имали** татарове тульскую **украину**, Сежу (Постниковский летописец, 1560–1570);

(65) Изначала же, тебя **емлючи** панове **на государство**, на том тебе к присяже приводили, что тебе всех давно зашлыхъ дел отыскивати, – ино на што было и послов посылати? (Иван Грозный. Послание польскому королю Стефану Баторию, 1581).

Таблица 7. Сочетаемость глагола *имати* в русской письменности XV в.

Table 7. Collocation of the verb *imati* in the 15th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>сребро, подводы, осетръ, костки, браино, хлѣбъ, соль, медь, пиво, брага, якори, ужи, пря ‘паруса’, дрова, вода, мощи, оружие</i>
Названия мер	<i>9 литръ, куны, виры, пять коробеи (ржи, овса и т. д.)</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>дань, выходъ, убытки, мытъ, тамга, ямъ, погонъ, пересудъ, пошлины, оброкъ, вирное, поралье, пеня, окупъ, поборы, гостиное, рыбное, вѣсчее, побережное, явлено, слѣбное, мѣсячина, десятина, повозъ, накладъ, закладъ, даръ, посулы, празга, площка, вина, полонъ, гостинець, кормъ</i>
Названия территорий	<i>отчина, украина</i>
Названия документов	<i>ярлыки</i>
Названия лиц и животных	<i>люди, дѣти боярские, князь, Лука, приставъ, проводникъ, плѣнники, вороны, куры</i>
Названия частей тела	<i>рука</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, процессов и событий	<i>вѣра, помочь, любовь, dokonчание, миръ, душа, словеса, рѣчи</i>

Таблица 8. Сочетаемость глагола *имати* в русской письменности XVI в.

Table 8. Collocation of the verb *imati* in the 16th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>подводы, тафта, простыня, сребро, лубье, часть (житы), хлѣбъ, рожь, овесь, масло, сыръ, яйца, овчина, кровь, двоеколка, книги</i>
Названия мер	<i>бочка</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>поборы, пошлины, десятина, хоженое, прикладъ, головщина, наймъ, окупъ, оброкъ, дань, ясакъ, выходъ, мытъ, тамга, мзда, деньги, убытки, казна, доходъ, подать, товары, кормъ, запасы, рухлядь, жалованье, животы, статки, руга, посулы, явка, поминки</i>
Названия территории	<i>Клобуково, Полоцкъ, Заволочье, волость, украина, селище, пустошь</i>
Названия документов	<i>грамоты, заповѣди, отпись</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>дѣти боярские, сестра, братия, сродники, старецъ, жены, жонки, дѣти, робята, мнихи, приставъ, возжи, стрѣльцы, сторожи, проводжальники, проводники, дворники, крестьяне, хрестьянишки, зажигальникъ, люди, казаки, языки, воры, послы, купцы, ругатели, рыба, кура, поярки</i>
Названия частей тела	<i>рука</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, процессов, событий	<i>миръ, порука, словеса развращенныя</i>

Приведем перечень имен существительных, субстантивированных прилагательных и количественных сочетаний, употребляющихся в позиции прямого дополнения глагола *имати* в источниках XVII в. (табл. 9).

Как видно из приведенного перечня, сочетаемость *имати* с XV по XVII в. стабильна. Основные изменения происходят именно в сочетаемости глагола *брати*, который к XVII в. превращается практически в дублет глагола *имати*, так что оба глагола начинают конкурировать между собой за роль видовой пары глагола *взяти*, ср.:

(66) **взяли** де вы подужных денег супроти деревни Рыбиной, **брал** Гришка Сучка с дуги по две деньги и всех денег **взял** четыре рубля два гроша (Грамотка приказчика А. Казакова и старост П. Найденова и Е. Калинина из д. Тельчья, 1682.02.06);

(67) А воеводы великаго государя с воинством во многих местех будужи остаточных татар всюду побиваху, и живых **емлюще** к государю прислаша, и лошадей болши пятидесяти тысяч **взяша** (А. Лызлов. Скифская история, 1692).

Семантическая эволюция глаголов *имати* и *брати* на общевосточнославянском фоне

Если мы сопоставим ситуацию в русской письменности с тем, как эволюционировала пара глаголов *имати* и *брати* в староукраинской письменности, то обнаружим, что вытеснение *имати* глаголом *брати* на юго-западе восточнославянской зоны произошло гораздо раньше, чем на остальной восточнославянской территории. Об этом свидетельствуют данные Словаря староукраинского языка XIV–XV вв. (СУМ), в котором, как и в СДРЯ, указывается частотность (табл. 10).

Таблица 9. Сочетаемость глагола *имати* в русской письменности XVII в.

Table 9. Collocation of the verb *imati* in the 17th-century Russian writing

Таксономические классы	Имена существительные
Материальные предметы или вещества	<i>сѣно, земля, дрова, зола, хлѣбъ, вино, шерсть, подводы, табакъ, клейноты, серебро, злато, жемчугъ, камень, перстень, одежды, сѣмена, пепель, вода, кость рыба, соль, щитъ, труба, Святые Тайны</i>
Названия мер	<i>пять алтынъ, пѣнязь, по 5-ти и по 3 и по 2 рубли (и т. п.), по полполтинъ</i>
Названия имущества, приобретаемого или отчуждаемого	<i>запасы, руга, пошлины, поборы, дань, взятки, оброкъ, задатокъ, пеня, тягло (на себя) доходъ, деньги, цѣна, кормъ, чужая, пожитки</i>
Названия территории	<i>дворъ, города, пустоши</i>
Названия документов	<i>грамота, запись, память, крѣпости, прогъжие листы, выпись, накладная, сказки</i>
Названия лиц, народов и животных	<i>Андрѣй Никифоровъ, ханъ, воеводы, служилые люди, дворовые люди, подьячий, сборицики, цѣловальники, мирские люди, дворяне, дѣти боярскіе, крестьяне, сынишко, сынъ, дщерь, дѣти, братья, сестра, племянники, отрокъ, дѣвица, мужикъ, гулящий человекъ, гости (Колыванские), емлющие (чужая), живые, татары, языки, иноземцы, раскольники, знакомцы, птица, змия, скорпия, жаба, черепаха, рыба, лошадь, стада</i>
Названия частей тела	<i>кишки</i>
Названия абстрактных сущностей, состояний, процессов и событий	<i>подмога</i>

Таблица 10. Частотность глаголов *имати* и *брати* в древнерусской и староукраинской письменности

Table 10. Frequency of the verbs *imati* and *brati* in Old Russian and Old Ukrainian writing

Глагол	СДРЯ	СУМ
<i>бьрати</i>	18	135
<i>имати (имаю)</i> ⁷	31	3
<i>имати (емлю)</i>	325	0

Как видно из таблицы, в юго-западных восточнославянских диалектах глагол *имати* в своей исконной парадигме утрачивается достаточно рано. Он сохраняется только в старовеликорусской и старобелорусской письменности (ГСБМ, с. 205).

По-видимому, именно юго-запад был центром распространения новой – аналогической – парадигмы типа *имаю, имаеши*. Так, *имати* с новыми формами в независимом употреблении находим в основном в древнерусских памятниках, происхождение которых преимущественно связано с юго-западными территориями ⁸:

(68) слышу же се. ѡко сестроу **имаете** двѡю. да аще еѡ не вѡдате за мѡ. то створю гра(д) вашему ѡко и сему створихъ (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е);

(69) р(ч)е же внѣ ко мнѣ. дѡвѣнаго вѣѡа твоего еже къ боу мѡтва. на се мѣсто приведе тѡ. показати ти ѡже преже желаніе **имасши** (Житие Василия Нового, конец XI в.) ⁹;

(70) а наши по ни(х) погнаша. ввы сѣкуща. ввы **имающе**. и ѡша ихъ. руками. польторы тысячѣ а прокъ ихъ изъбиша (Киевская летопись, 1119–1199).

В этих же памятниках глагол *имати* семантически уподобляется глаголу *имѣти*, превращаясь в глагол состояния (о глаголе *имѣти* в восточнославянской письменности см.: [Шевелева, 2019]), а также представлен в качестве вспомогательного глагола в конструкции с инфинитивом, семантически идентичной конструкции с глаголом *имѣти*:

(71) аще того пустиши. **не имаеши быти** другъ кесареви (Повесть временных лет по Ипатьевскому списку, 1110-е) [ср. (Ин. XIX, 12) Остр. Ев., 184: нѣси другъ кесареви; в Лаврентьевском списке: **имаши**];

(72) в соу(б)тоу по взитии слнца. дшѡа моѡ **ѡлоучитса имаеть** в телесе сего (Симон Владимирский, Поликарп Печерский. Киево-Печерский патерик, первая треть XIII в.).

Выводы

Как показало проведенное исследование, на роль аспектуальной пары глагола *взяти* претендовали *взимати*, *имати* и *брати*. Глагол *взимати*, исконный имперфектив от *взяти*, не занял эту позицию, поскольку был редок в письменности и ограничен книж-

ными памятниками. Глагол *имати* постепенно утрачивал итеративность, теряя соотношение с глаголом *яти* и в целом ряде значений выступая в качестве видовой пары глагола *взяти*. Выявлено, что в XV–XVII вв. происходило постепенное расширение семантики, сочетаемости и, как следствие, частотности глагола *брати*, который к XVII в. приобрел свойства, характерные для глагола *имати*.

Основанием для семантического сближения между *брати* и *имати* стало, по-видимому, то, что оба этих глагола можно отнести к глаголам контакта с инкорпорированным участником ¹⁰ *руки*, а также связь их семантики с понятиями части, целого и множественности. Различия между *брати* и *имати* в исходной системе заключались в том, что *брати* помещал в фокус процесс, постепенное накопление, сложение (сбор) некоторого целого из множества частей ¹¹, а у *имати* в фокусе был результат, обладание некоторой частью, отделяемой от целого.

Возможно, расширение сочетаемости и постепенное вытеснение глаголом *брати* глагола *имати* на периферию как минимум было поддержано влиянием языка Юго-Западной Руси, которое, как известно, наиболее значительным было именно в позднесреднерусский период (XVI–XVII вв.). Глагол *имати* (*емлю*) в староукраинском языке оказался полностью утрачен уже к XIV в., *имати* (*имаю*) представлял собой глагол состояния, дублет *имѣти*, тогда как глагол контакта *имати* (*имаю*) практически вышел из употребления в этот период. По-видимому, данный процесс был связан в староукраинском с взаимодействием глаголов *имати* и *имѣти*, поэтому здесь нишу глагола контакта *имати* очень рано занял глагол *брати*.

В старовеликорусской письменности долго сохранялась исконная парадигма *имати* (*емлю*), что препятствовало аттракции между *имати* и *имѣти* и надолго удерживало *брати* от экспансии в исконной семантической зоне глагола *имати*.

При этом необходимо отметить, что ситуация в языке XVII в. была еще не вполне аналогична современной, поскольку *имати* в это время оставался более частотным и служил основной видовой парой глагола *взяти*. Изменение соотношения в пользу *брати* отмечается только в XVIII в., именно в этот

период происходит маргинализация глаголов *имати* и *яти*, а *брати* и *възяти* окончательно формируют видовую пару.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is supported by the Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora.”

² Здесь и далее для древнерусского периода используются инфинитивы *брати*, *възяти*, *възимати* с редуцированным в корне или префиксе, для более поздних эпох – *брати*, *взяти*, *взимати* и *братъ*, *взять*, *взимать* соответственно.

³ Items per million words.

⁴ Цитаты из НКРЯ сопровождаются указаниями на источник и датировку в соответствии с метаданными, которые приводятся в корпусе. Цитируемые по НКРЯ памятники в список источников не вносятся.

⁵ В памятниках отражается и противоположное явление – влияние презентной основы на формы от основы инфинитива, ср. формы *емляху*, *емати*. Формы причастий типа *емь*, *емши* являются, по-видимому, контаминированной формой действительного причастия прошедшего времени от глагола *яти* (*имь*, *имьши*), на которую повлияла презентная основа *имати* (*емлю*, *емлещи*).

⁶ В работе [Добромыслова, 1968, с. 225] утверждается отсутствие у глагола *брати* такой сочетаемости в письменности XI–XVII в. Все-таки на основании данных корпуса мы можем отнести развитие этих употреблений у глагола *брати* уже к XVII веку.

⁷ В СУМ соответствует словарной статье *имати*¹, описывающей глагол контакта, тогда как *имати*² представляет собой глагол состояния, семантически почти полностью повторяющий особенности глагола *имѣти* [СУМ, с. 433–439].

⁸ Некоторое количество форм с новой парадигмой обнаруживается также в памятниках новгородско-псковского происхождения: *аще и многы наставники имаете ѿ хѣтъ · нъ не многы ѿ отцѣ · ѿ хѣтъ бо їсѣвъ еѿгангильемь азъ вы роди хъ · молю же вы са подобьници ми боудете* (Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере (XI в.)); *аще имаетши ѿко твоє лоукаво истъкни є* (Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере (XI в.)).

⁹ О возможном происхождении перевода Жития Василия Нового см.: [Пентковская и др., 2018].

¹⁰ Об инкорпорированном участнике см. [Падучева, 2004, с. 57].

¹¹ Семантическая связь с идеей множества, восходящей к мотивирующему глаголу *братъ*, сохраняется, согласно [Зализняк, 2006, с. 237–238], даже у современного глагола *добраться* ‘перебирая разные предметы, найти нужный’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Добромыслова А. Н., 1968. Глагол *братъ* в русском языке // Русская историческая лексикология / под ред. С. Г. Бархударова. М. : Наука. С. 221–228.
- Зализняк Анна А., 2006. Многозначность в языке и способы ее представления. М. : Яз. слав. культур. 672 с.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры. 608 с.
- Пентковская Т. В., Щеголева Л.И., Иванов С.А., 2018. Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. Т. 1. Исследования. Тексты. М. : Изд. дом ЯСК. 784 с.
- Пенькова Я. А. *Имамь*, *имѣю*, *имаю*, *иму*: конструкции с глаголами с корнем *им-*//*ем-* в восточнославянской деловой письменности XV в. // *Slověne*. (В печати).
- Пятаева Н. В., 1997. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд **em* и **ber* в истории русского языка // *Этимология 1994–1996* / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука. С. 140–147.
- Пятаева Н. В., 2007. Генетическая парадигма «Давать // дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа. 643 с.
- Пятаева Н. В., 2009. Генетическая парадигма «Давать // дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка : монография : в 2 ч. Стерлитамак : Стерлитамакс. гос. пед. акад. им. Зайнаб Бишевой. 320 с.
- Шевелева М. Н., 2016. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал*, *бивал*, *бирал* // *Русский язык в научном освещении*. № 2 (32). С. 71–90.
- Шевелева М. Н., 2019. О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь* / *имю* в ранних восточнославянских текстах // *Вопросы языкознания*. № 6. С. 32–50. DOI: 10.31857/S0373658X0007545-8
- Шевелева М. Н., 2021. О глаголе *яти* и конструкциях *иму* + инфинитив по данным древнерусских памятников // *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : сб. ст. к 70-летию акад. А.М. Молдована* / под

ред. А. А. Пичхадзе [и др.]. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 31–50.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 4. М. : Знак, 2011. 328 с.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 14 / А. І. Жураўскі (гл. ред.). Мінск : Навука і тэхніка, 1996. 301 с.

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. 702 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Остр. Ев. – Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1843.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Р. И. Аванесов (гл. ред.). Т. 1. М. : Рус. яз., 1988. 526 с. ; Т. 2. 1989. 494 с. ; Т. 4. 1991. 559 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32. М. : Наука ; Азбуковник ; Нестор-история ; ЛЕКСРУС, 1975–2023 ; Вып. 2. М. : Наука, 1975 ; Вып. 6. М. : Наука, 1979 ; Вып. 32. М. : Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2023.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 / Ю. С. Сорокин (гл. ред.). Л. : Наука, 1985. 247 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 12. Ф. П. Филин (гл. ред.). Л. : Наука, 1977. 368 с.

СУМ – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1 (а – м) / Л. Л. Гумцька, І. М. Керницький (ред.). Київ : Наукова думка, 1977. 630 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 3 / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1976. 199 с.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol. Praha : Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

REFERENCES

Dobromyslova A.N., 1968. Glagol brat v ruskom yazyke [Verb “To Take” in Russian]. Barkhudarov S.G., ed. *Russkaya istoricheskaya leksikologiya* [Russian Historical Lexicology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 221–228.

Zaliznyak Anna A., 2006. *Mnogoznachnost v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in Language and Ways of Representing It]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 672 p.

Paducheva E.V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics

of Lexis]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 608 p.

Pentkovskaya T.V., Shchegoleva L.I., Ivanov S.A., 2018. *Zhitie Vasiliya Novogo v drevneyshem slavyanskom perevode. T. 1. Issledovaniya. Teksty* [Life of Basil the New in the Oldest Slavic Translation. Vol. 1. Research. Texts]. Moscow, Izd. dom YaSK Publ. 784 p.

Penkova Ya.A. Imam, imëyu, imayu, imu: konstruktssii s glagolami s kornem im-//em- v vostochnoslavyanskoy delovoy pismennosti XV v. [Imam, imëyu, imayu, imu: Structures with Verbs with the Root im-//em- in the 15th Century East Slavic Official Writing]. *Slovëne*. (In print).

Pyataeva N.V., 1997. Opyt dinamicheskogo opisaniya sinonimichnykh etimologicheskikh gnezd *em i *ber v istorii russkogo yazyka [Experience of Dynamic Description of Synonymous Etymological Nests *em and *ber in the History of the Russian Language]. Trubachev O.N., ed. *Etimologiya 1994–1996* [Etymology 1994–1996]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140–147.

Pyataeva N.V., 2007. *Geneticheskaya paradigma «Davat // dat → brat → vzyat → imet → nesti → davat» v istorii russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Genetic Paradigm “To Give → to Take → to Have → to Bear → to Give” in the History of the Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Ufa. 643 p.

Pyataeva N.V., 2009. *Geneticheskaya paradigma «Davat // dat → brat → vzyat → imet → nesti → davat» v istorii russkogo yazyka: monografiya: v 2 ch.* [Genetic Paradigm “To Give → to Take → to Have → to Bear → to Give” in the History of the Russian Language. Monograph. In 2 Pts.]. Sterlitamak, Sterlitamaks. gos. ped. akad. im. Zaynab Biishevoy. 320 p.

Sheveleva M.N., 2016. K istorii grammaticheskoy semantiki form tira хаживал, бивал, бирал [Upon the History of the Grammatical Semantics of Verbal Forms Like хаживал, бивал, бирал in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (32), pp. 71–90.

Sheveleva M.N., 2019. O drevnerusskom glagole imëti, possessivnykh konstruktssiyakh i slozhnom budushchem s imam’ / imou v rannikh vostochnoslavyanskikh tekstakh [On Old Russian Verb imëti, Possessive Constructions and Complex Future with imam’ / imou in Early East Slavic Texts]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 6, pp. 32–50. DOI: 10.31857/S0373658X0007545-8

Sheveleva M.N., 2021. O glagole yati i konstruktssiyakh imu + infinitiv po dannym drevnerusskikh

pamyatnikov [On the Verb *yati* and the Constructions *imu* + Infinitive According to data from Ancient Russian Monuments]. Pichkhadze A.A., Yuryeva I.S., Mishina E.A., Mushinskaya M.S., Kagarlitskiy Yu.V., eds. *Slova, konstruktсии i teksty v istorii russkoy pismennosti: sb. st. k 70-letiyu akad. A.M. Moldovana* [Words, Constructions and Texts in the History of Russian Writing. Collection of Articles for the 70th Anniversary of Academician A.M. Moldovan]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 31-50.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Anikin A.E. *Russkiy etimologicheskiy slovar. Vyp. 4* [Russian Etymological Dictionary. Iss. 4]. Moscow, Znak Publ., 2011. 328 p.
- Zhuražski A.I., ed. *Gistarychny sloŭnik belaruskay movy. Vyp. 14* [Historical Dictionary of Belorussian Language. Iss. 14]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1996. 301 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999, vol. 1. A–Y. 702 p.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Ostromirovo Evangelie 1056–1057 gg.* [Ostomir Gospel of 1056–1057]. Saint Petersburg, 1843.
- Avanesov R.I., ed. *Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of Old Russian Language (11th – 14th Centuries)]. Moscow, Rus. yaz. Publ., vol. 1, 1988. 526 p.; vol. 2, 1989. 494 p.; vol. 4, 1991. 559 p.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 1–32* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 16th Centuries. Iss. 1–32]. Moscow, Nauka Publ., Azbukovnik Publ., Nestor-istoriya Publ., LEKSRUS Publ., 1975–2023; iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975; iss. 6. Moscow, Nauka Publ., 1979; iss. 32. Moscow, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, 2023.
- Sorokin Yu.S., ed. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka. Vyp. 2* [Dictionary of Russian Language of the 18th Century. Iss. 2]. Leningrad, Nauka Publ., 1985. 247 p.
- Filin F.P., ed. *Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 12* [Dictionary of Russian Dialects. Iss. 12]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 368 p.
- Gumtska L.L., Kernitskiy I.M., eds. *Slovnnyk staroukrayinskoj movy XIV–XV st. T. 1 (a – m)* [Dictionary of Old Ukrainian Language of the 14th – 15th Centuries. Vol. 1 (a – m)]. Kyiv, Naukova dumka Publ., 1977. 630 p.
- Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskiy slovar slavjanskih jazykov (praslavyanskiy leksicheskiy fond). Vyp. 3* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Common Slavic Lexical Fund. Iss. 3]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 199 p.
- Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol.* Praha, Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

Information About the Author

Yana A. Penkova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, Tatarstan St, 2, 420021 Kazan, Russia, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

Информация об авторе

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Татарстан, 2, 420021 г. Казань, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>